

В конце августа группа из четырёх человек собралась ехать на Сисим рыбачить. Это я, Коля Петров (он был проводником), Александр Финогеев и Владимир Гераскин.

Заблаговременно купили четыре билета. Места — в плацкартном вагоне. Когда в назначенное время подошли к вагонам, увидели, что проводника нашего вагона окружили люди, которым не досталось билетов, и упрашивали его довести их до Абакана. На перроне было очень много народу. Так как у нас уже были билеты, мы пробились через толпу и прошли в вагон к своим местам. Разместились, успокоились, растолкали весь наш багаж по полкам. Спальники, рюкзаки (набитые тёплой одеждой и провизией на пять дней), спиннинги, удочки, резиновые сапоги.

Едва мы это сделали и расселись, довольные, думая о предстоящей поездке и рыбалке, как к нам подошли четверо пассажиров — две женщины и двое мужчин. Оказалось, что у них тоже билеты на наши места. Чтобы разобраться, стали ждать проводника. Пришёл проводник, посмотрел билеты и махнул рукой:

— И так полный вагон, некуда садить людей.

Мол, разбирайтесь сами. Нам пришлось уплотниться и посадить рядом ещё четверых пассажиров. Кое-как разместились. Успокоились, разговорились. Стали выяснять, кто куда едет. Оказалось, нам выходить раньше, на станции Сисим. Появились карты, кто-то достал бутылку водки, распили и за общими разговорами не заметили, как подъехали к станции. Был уже третий час ночи. Наши попутчики

помогли нам вынести в тамбур вещи и радушно с нами попрощались, пожелав нам удачной рыбалки.

На перроне горела всего одна тусклая лампочка. Моросил мелкий дождик. Когда поезд ушёл, нас поглотила таёжная ночь. Даже стало жутко от темноты и шума тайги. Зашли в помещение вокзала, где также горела тусклая лампочка. Разместились на старых деревянных топчанах.

Часа через три наш проводник Николай Павлович Петров разбудил и сказал, что надо идти и что путь нас ожидает нелёгкий.

Как говорится, бедному собраться — только подпоясаться. Так и мы: рюкзаки на спину, удочки под мышку — и в путь-дорогу. Утро было морозное, светила луна, освещая широкую гравийную дорогу. Не знаю, сколько мы прошли по дороге, как в кустах со стороны тайги поднялся такой треск и шум! Уже малость рассвело, были видны силуэты деревьев. Лучи восходящего солнца, пробиваясь между верхушками деревьев, полосами указывали направление движения. Мы с испуганными лицами остановились, думали, что это хозяин тайги, однако из кустов выскочил мужик в подштанниках и в одной рубашке.

— Мужики, вы медведя не видели? — спросил он, задыхаясь. — Он только что задрал мою корову...

Я ему говорю:

— Если бы мы увидели медведя, ты бы нас не увидел. Сверкали бы наши пятки!

Мужик малость успокоился, попросил закурить; естественно, все сели на отдых. Мужик внимательно рассмотрел наши снасти.

— С такими снастями вы не наловите рыбы, — сказал он.

А мне, так как я в руках держал бамбуковую удочку со спиннинговой катушкой, дал совет:

— Надо ловить только на санки с хорошими обманками.

Он выпросил у нас несколько папирос и углубился в тайгу.

Уже достаточно рассвело. Дальнейший путь до старой заброшенной деревни прошли без приключений. Это была заброшенная деревня золотопромышленников, причём дома были ещё добротные. Видимо, запас золота иссяк, и деревню оставили. Проходя по деревне, заметили, что один дом жилой. Когда подошли к дому, нас встретили лаем собаки. На лай собак вышел хозяин — старичок лет шестидесяти. Он посоветовал:

— Когда дойдёте до волчьей ямы, перейдёте на ту сторону Сисима. Дальше пойдёте по медвежьей тропе, которая пойдёт по тайге километров тридцать. Там выйдете на заброшенную деревню старателей. Когда будете идти по тропе, старайтесь производить больше шума, бейте ложками по котелку, по чашкам и банкам. Это будет пугать медведя.

Поблагодарив деда за напутствие, двинулись в путь. Дойдя до реки, развели костёр, позавтракали — и в путь-дорогу.

Кто ходил по тайге, тот знает, как тяжело ходить по таёжным тропам. Здесь валежники, кусты, болотные кочки — в общем, неприятное мероприятие. Да ещё и с большими рюкзаками на спине. У нашего проводника было ружьё шестнадцатого калибра, патроны с мелкой дробью. Это только «для поддержки штанов». В общем, вооружившись ложками, мисками, банками, под барабанную дробь, как пионеры, отправились к неведомым местам. Шум, который мы издавали, видимо, пугал хозяина тайги. Медведя мы не видели, но был слышен треск и шум, когда садились отдыхать. Подгоняемые страхом, двигались дальше, продолжая барабанить. Все думали о том, долго ли ещё идти. Проводник уверял, что два-три километра, не больше, и показывал вдаль:

— Вон за той горой.

Окрылённые мечтой, что скоро закончатся наши муки, мы быстро дошли до горы, но реки за ней не было; и опять проводник указывал на другую гору. И только к пяти часам вышли на большую площадь, где стояла когда-то деревня, а теперь остались обгоревшие и разваленные дома. Кое-где сохранились изгороди. У самой реки стоял добротный дом. Когда мы подошли к дому, там было три рыбака, которые складывали вещи, чтобы утром уехать домой. Хотя я очень устал, всё же охота было поймать рыбки на уху. Я пошёл по берегу вниз, со мной пошёл ещё один желающий по кличке Большой — Александр Финогеев.

Не доходя до устья ручья, который впадал в реку, я нашёл ручейника, надел на крючок и забросил удочку. Поплавок проплыл несколько метров и утонул. Я подумал, что он зацепился за что-то, и инстинктивно подсёк. Чувствую — рыба, притом хорошая. При сильном сопротивлении душа рыбака радуется. Я выловил хариуса грамм на четыреста. Опять забрасываю туда же — и снова поклёвка. Пока мой напарник ел смородину, я поймал пять хариусов; притом, когда я

вытаскивал пятого, напарник увидел, что я тащу рыбу, и даже забрёл в воду посмотреть, где там рыба плавает. На этом моя рыбалка закончилась, так как Большой разогнал всю рыбу.

Из пойманной рыбы мы сварили уху и, конечно, «раздавили» бутылку. На ночь я улёгся на русскую печь в тёплой одежде, утром же проснулся в нижнем белье: даже не помню, как разделся. Утром встал как огурчик, свеж и бодр. Мои напарники спали на полу и встали вялые и усталые. Я понял, что такое русская печь: она хорошо лечит от хвори и придаёт силы.

Ночь выдалась холодная, даже выпал снежок. С выпавшим снегом пришёл мороз, так что утренняя рыбалка накрылась: по реке плыла шуга, тонкий лёд, как ножом, обрезал леску.

Компания из трёх рыбаков ушла, пожелав нам хорошей рыбалки. К обеду, когда шуга прошла, мы отправились на рыбалку; двое пошли вверх по течению, а другие вниз. К вечеру каждый из нас поймал по десятку хариусов. Когда мы пришли, то на месте нашей стоянки, возле костра, двое мужиков что-то варили в котелке. Один из них — мужчина средних лет, другой — лет шестидесяти. Недалеко от дома паслась привязанная лошадь. Мы доедали обеденный суп, а нас доедали комары. Пришедшие дали нам совет: взять свои миски и идти на середину реки, там ветер разгоняет всех комаров. И правда, стоя по колено в воде, поужинали. Когда уже стемнело, пришёл третий рыбак, длинный и худой. Через некоторое время они сели ужинать, при этом чем-то намазались от комаров. Естественно, была бутылка водки. После выпивки завязался разговор, где старик похвалился, что как-то поймал хариуса с двумя ртами. Длинного это задело, он сказал, что такого не может быть. Они заспорили чуть ли не до драки. К ночи дед успокоился, хотя всё время ворчал, что его обозвали лгуном на старости лет.

Утром наскоро позавтракали, разбрелись кто куда. Мы с Большим пошли вниз по течению. На одном из плёсов я зашёл в воду по колено, забросил удочку. Кругом красота: каждая веточка прикрыта снежком, на каждом листочке — белая шапочка снега. Вот уж природное произведение. Вдруг раздался сильный всплеск, и моя спиннинговая катушка стала разматываться с большой силой. Я попытался притормозить пальцем, но обжёг его. Не успел оглянуться, как моя снасть вместе с поплавком исчезла под кустами, которые нависали

над водой. Выходит, это таймешонок подсёк мой поплавок. Так таймень глушит неосторожную рыбу, которая появляется на поверхности. В результате вся моя снасть намоталась на хвост хищника и исчезла под водой. Это хорошо, что удержал удочку в руках. Пришлось возвращаться за снастью.

К вечеру мы наловили по десятку хариусов, но самое интересное, что я поймал хариуса с двумя ртами. Верхний рот был естественный, а нижний — малоразвитый. Вес хариуса был около трёхсот грамм. Вечером, когда все собрались, я деду подал хариуса с двумя ртами, он схватил его и на высоких тонах в голосе сказал длинному:

— Это что, я вру?

Я подумал, что он размажет этого хариуса на лице длинного. Ближе к ночи дед принёс бутылку водки, отдал мне за то, что я поднял его авторитет среди рыбаков. Естественно, мы распили бутылку всей своей компанией. На следующий день до обеда я поймал десятка два хариусов, после обеда — ещё столько же. Вечером около двух часов чистил рыбу, перекалывал крапивой. Крапива придаёт жёсткость телу хариуса. Так как хариус очень жирный, внутренности его топил в котелке, домой привёз бутылку рыбьего жира. Мужики хвалились, что если ловить на блестящую мормышку, то хорошо ловится ленок. Но так как у меня не было такой мормышки, я всё же вышел из положения. На мне были штаны с блестящими заклёпками, и я умудрился сделать мормышку из заклёпок.

На следующий день я нашёл плёс, где стояла стая ленков. При первом же забросе началась поклёвка. Подсекаю, чувствую — крупная рыба. Чтобы вытащить её, нужно выводить в сторону, держать удилице как можно ниже к воде. Но, как говорится, первый блин оказался комом: как я ни старался, крупная рыба сорвалась. Но к вечеру я всё же поймал семь ленков весом от кило четыреста до трёх килограммов, так что верхний слой рыбы в коробе был накрыт ленками. Вечером начали собираться, чтобы утром пораньше выйти.

Утром поднялись, попили чайку и все семь человек — в путь-дорогу. Когда все мы были готовы уходить, я старался надеть свой короб на спину. Однако ко мне подошёл дед Семён, забрал мой короб и привязал его на бок лошади. Другие два рыбака стали возмущаться, однако дед выразился:

— Это моя лошадь, что хочу, то и делаю.

Первые километры наша лошадь шла еле-еле, но когда почувствовала медведя, её было трудно удержать. Теперь мы не очень боялись, когда шли по медвежьей тропе, так как у наших попутчиков были карабины. Примерно через тридцать километров тропа раздвоилась, и наши попутчики ушли по правой тропе. По словам попутчиков, там был рудник. Перед уходом дед Семён дал мне две банки сгущёнки и поблагодарил за всё. Дальнейший путь для меня был трудный, так как пришлось тащить рыбу уже на себе. Впоследствии я даже пожалел, что наловил больше всех. Дальше мы шли, уже не боясь, что за нами идёт медведь, так как медведь пошёл за нашими спутниками. Теперь, когда я надел короб на спину и прошёл несколько километров, устал больше всех.

С перекурами и с отдыхами дошли до Волчьей ямы, перешли Сисим. До станции оставалось пройти три километра, а силы наши иссякли. Но тут нас выручил Большой, у которого было две ходки за хулиганство. На зоне он пристрастился пить чифир — крепко заваренный чай. Зубы от чая чернеют, и чтобы убрать черноту, некоторые чистят зубы кирпичной крошкой. Поэтому при разговоре выделяется розовая слюна, вот за что и получил он кличку Большой. Он взял большую пачку индийского чая, котелок на два с половиной литра, всю эту пачку заварил в котелке, взял две банки сгущёнки, всё это вылил в котелок, получился «купеческий чай».

Напившись крепкого чая, мы как бы заново родились. Усталость как рукой сняло. По дороге к станции мы опять встретили мужика, который смеялся над нашими снастями.

— Я же вам говорил, что вы ничего не поймаете, — подошёл он ко мне и показал на мои снасти.

Я даже со злостью сказал:

— Подними мой короб.

От тяжести мужик выразился, что якобы я наложил там камней. Когда я открыл крышку короба, там лежали семь ленков, вес всей рыбы составлял около двадцати килограммов. Мужик охнул, крикнул:

— Ну ты молодец! — и ушёл восвояси.

Оставшиеся километры мы быстро прошли и в двадцать тридцать сели на абаканский поезд, к девяти часам утра были в Красноярске.

Был 1971 год.